

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Новгородская
альтернатива

Подлинная
столица
Руси

Вся правда о России

Андрей Буровский

**Новгородская альтернатива.
Подлинная столица Руси**

«Яуза»

Буровский А. М.

Новгородская альтернатива. Подлинная столица Руси /
А. М. Буровский — «Яуза», — (Вся правда о России)

ISBN 978-5-699-43858-7

Если Киев – «мать городов русских», то кто же тогда отец? Какой город олицетворял мужское, активное начало Древней Руси? Кто поял днепровскую красавицу, породив русскую цивилизацию? Конечно, Господин Великий Новгород! «Новгород – это врожденная свобода и вечевая демократия, это бешеная энергия, предприимчивость, самостоятельность и гордость, это ставка на вольных людей, а не на холопов и рабов. Новгород – это русская Европа, квинтэссенция всего западного, что было на Руси, это альтернатива Московии, вызов московской азиатчине и деспотии: именно поэтому Отец городов русских был так ненавистен бесноватому садисту Ивану Грозному, поэтому московские ханы выжигали новгородскую вольницу с такой звериной жестокостью! Не проиграй русские европейцы в этой неравной борьбе, одолей Новгородская республика Московское ханство – и мы жили бы сегодня совсем в другой России, куда более развитой, справедливой и счастливой! Об этой упущенной возможности, о великой Новгородской альтернативе моя книга...» (Андрей Буровский)

ISBN 978-5-699-43858-7

© Буровский А. М.

© Яуза

Содержание

Введение	5
Часть I	11
Глава 1	11
Происхождение	11
Развитие	12
Глава 2	14
Удивительные словене	14
Расколота Русь	16
Откольники от Руси	17
Глава 3	20
Расселение на юге и севере	20
Психология Севера и Юга	22
Юг и Север Руси	23
Северо-южные войны	26
Глава 4	29
До Руси	29
Ползучая славянская экспансия	30
Степной мир	31
Половецкая цивилизация	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Михайлович Буровский

Новгородская альтернатива.

Подлинная столица Руси

*Германским, финским, латгальским и славянским предкам
русского народа ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Сталин:

*– Ви, Алексей Максимович, написали очень своевременный роман
«Мат». Теперь вам предстоит написать не менее своевременный роман
«Отэц».*

Горький:

– Попытаюсь, Иосиф Виссарионович, попытаюсь...

Сталин:

*– Обязательно попитайтесь, Алексей Максимович. Ведь попитка
– это же еще совсем не питка. Не правда ли, товарищ Ежов?*

Исторический анекдот

Введение

*Я пью свой бокал за варяжскую Русь,
Татарской Руси нам не надо.*

Граф А. К. Толстой

Огромный период ранней русской истории назван «киевским». Вся русская история начиналась с того, что возникло огромное государство, Киевская Русь – «раннефеодальное гос-во 9–12 вв., возникшее в Восточной Европе в результате возникновения вост.-слав. племен, древним культурным центром к-рых было Ср. Приднестровье с Киевом во главе» [1. С. 93].

Киевская Русь положила начало государственности восточных славян, объединила их всех в огромное государство – самое большое и богатое государство Европы того времени.

В эпоху Киевской Руси сложилась древнерусская народность, «ставшая впоследствии основой для формирования трех братских народностей – русской, украинской и белорусской» [1. С. 94].

Это потом, спустя века, начались какие-то размежевания и разборки, а изначально Русь была единой. Что характерно – никто особенно и не сомневается, что это Русь не какая-нибудь, а Киевская. Правда, еще с XVIII века появилось и другое название первоначальной Руси – Древнерусское государство... Но как синоним более распространенного, шире известного «Киевская Русь», в которой «Киевский князь господствовал над славянами, прежде всего, как глава сильнейшего племени – полян» [2. С. 24].

В некоторых учебниках государство восточных славян более последовательно называется Древнерусским, Древней Русью. В них только отмечается, что «Древнерусское государство объединило под властью великих киевских князей земли восточнославянских племен и их ближайших соседей» [3. С. 43].

Но и в этих учебниках не ставится под сомнение первенство Киева. То, что Киев – «мать городов русских» и что без него не было бы Руси.

Специалистам прекрасно известно, что Киев – вовсе не самый древний из городов Руси и даже не самый большой и славный среди них. Чернигов, Новгород, Менск, Плесков, Ладога, Тмутаракань, Переяславль, Тверь – все это города не менее древние и знаменитые.

Специалисты хорошо знают, что Киев – вовсе не центр самого древнего на Руси государства. Государственные образования возникали на Руси много раз; академик Б. А. Рыбаков отмечал даже, что государство на Руси появлялось несколько раз начиная с II–I тысячелетий до Р. Х. Еще в 1940-е годы В. В. Мавродин предлагал принимать за начало русской государственности «державу волянн» – государство, существовавшее в VI–VII веках, «первое славянское «варварское» политическое объединение» [4. С. 87].

Почему же тогда Русь – Киевская? Может быть, потому, что киевские князья завоевали остальные государства восточных славян? Действительно – если существует множество городов и государств, а потом один из них присоединяет другие – логично дать всему государству название города-завоевателя и государства-завоевателя.

Но Киев таким завоевателем и объединителем не был. Это сам Киев завоевали выходцы из совсем другого княжества, и откуда появились эти «выходцы», превосходно известно историкам – из Новгорода. Правда, первые объединители Руси не были и новгородцами – династия Рюрика сначала княжила в Ладоге, потом уже в Новгороде.

Признавая Киев столицей Древнерусского государства, прекрасно помня слова князя Олега о Киеве: «Это будет мать городам русским», в исторической традиции Руси полагали весьма логично, что российская государственность начинается с прихода на Русь династии Рюрика.

Кто такой Рюрик и как он появился на Руси, – спорят до сих пор. Но практически все дореволюционные историки были согласны с тем, что «призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю» [5. С. 123].

Спор велся о частностях: в основном о том, как было дело, да о конкретной дате начала русской истории.

Убежденный монархист Н. М. Карамзин полагал, что «начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай... Самовластие... утвердилось с общего согласия граждан» [6. С. 93]. Он относит возникновение России к очень конкретной дате – 864 году. Именно тогда, если верить легенде, скончались братья Рюрика, Синеус и Трувор, и Рюрик, «старший брат, присоединив их области к своему княжеству, основал Монархию Российскую» [6. С. 95].

В. О. Ключевский годится Карамзину даже не во внуки – в правнуки. Он родился (1841) через пятнадцать лет после смерти Карамзина (1826). Дитя совсем другой эпохи, В. О. Ключевский критически относился к идиллическому призыванию варягов.

Он полагал, что «летописная сказочка о добровольном призывании варягов» должна была «прикрыть факт разбоя и узурпации», и соглашался с «обычной» датой – Русь началась с 862 года, с года воцарения Рюрика в Новгороде.

Он очень сильно сомневался в самом существовании Синеуса и Трувора и уже знал: в переводе с древнешведского «Рюрик сине хус трувор» означает: «Рюрик с домом и дружиной».

Карамзин верит в легенду и нежно относится к монархии.

Ключевский в легенду не верит, к монархии относится критически.

Но и В. О. Ключевский полагал, что появление варяжских княжеств послужило толчком для возникновения «первой формы русского государства» – Великого княжества Киевского [7. С. 156].

Тут только руками разведешь: до Киевской Руси были варяжские княжества (то есть государства на Руси). Они дали толчок для создания Киевского княжества. Но не они, не варяжские княжества, были первой формой русского государства – первым был все равно Киев...

Правда, предки думали как-то иначе и вовсе не отдавали Киеву такого уж несомненного первенства. «В русской исторической литературе XI в. существовали и боролись между собой

два взгляда на происхождение Русского государства. Согласно одному взгляду центром Руси и собирателем славянских земель являлся Киев, согласно второму – Новгород» [8. С. 193].

Причем в политической традиции Древней Руси Новгород был все же «старшим братом». Князья Киева – это в той же степени и новгородские князья, но начинают-то они с Новгорода! Не будем даже брать полулегендарного Олега и Игоря – они пришли из Новгорода. Это – новгородские князья, захватившие власть в Киеве, – и только.

Княгиня Ольга – дочь перевозчика на реке Великой, у Выбутской веси, близ города Плескова.

Святослав – первый из общерусских киевских князей, носящих славянское имя. И он единственный киевский князь, который не прошел сначала новгородскую школу.

Владимир начал княжить в Новгороде, а потом завоевал Киев, отбил его в 980 году у старшего брата Ярополка. Отец двенадцати сыновей от разных жен, Владимир посадил в Новгороде старшего сына – Вышеслава. Именно старшего! Только после смерти Вышеслава в Новгороде сел Ярослав...

У Ярослава сложились особенно хорошие отношения с новгородцами. Он правил в Новгороде, когда в 1014 году отказался платить отцу в Киеве дань – две тысячи гривен. Добрый папа собирается воевать с уважительным сыном, и только ранняя смерть Владимира (в 1015 году ему не исполнилось и шестидесяти лет) избавляет Русь от крупной междоусобицы. Что характерно – Новгород собирал рать, чтобы помочь Ярославу.

Получается – и Владимир, и Ярослав начинали с княжения в Новгороде. Это князья в той же степени новгородские, что и киевские. И оба сели на престол, опираясь на силу, богатство и международные связи Новгорода.

Уже в конце XII века, незадолго до монгольского нашествия, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо обращается к сыну, отъезжающему на княжение в Новгород: «На тебе Бог положил переже старейшинство во всей братье твоеи, а Новъгород Великий старейшенство имать княженью во всей Руськой земли» [9. С. 422].

Соперничество двух центров Древней Руси за старшинство прослеживается до самого монгольского нашествия – после разгрома и сожжения Киева в 1242 году город запустел, надолго потерял свое значение. А до этого города спорили между собой не только на уровне княжеских разборок, но и на уровне общественной и политической жизни всех вообще образованных русских людей. По-видимому, выяснение главенства одного из этих городов имело для них некий смысл.

Киевляне считали, что в их городе до династии Рюрика были свои, местные, князья: Кий, давший имя городу, его братья Щек и Хорив, а также сестра их Лыбедь. По легенде, каждому брату принадлежало особое поселение на одном из киевских холмов, это потом они слились в единый город.

Правда, эта четверка князей исчезла «незнамо куда» незадолго до появления варягов и не оставила потомков. Ученые давно предполагают, что «первые киевские князья» – это просто легендарное объяснение причин, почему раньше на территории Киева было несколько разных поселений. Мол, понятно, откуда взялось несколько разных поселков – это все города разных князей.

Но были эти князья в реальности или только в народном воображении, старая легенда обосновывала древность города и его самостоятельность. Новгородцы же думали иначе. В новгородских летописях этого самого загадочного Кия называли... перевозчиком. Якобы Кий перевозил людей и груз через Днепр, покрикивая при этом: «На перевоз, на Киев!» Откуда и пошло: Киев перевоз, потом просто Киев.

В других текстах Кия и его братьев Щека и Хорива представляли как лютых разбойников, которых князь в Новгороде заточил в темницу. Потом князь сжалился, отпустил их, а разбойники сбежали на Днепр, где основали Киев [10. С. 158–159].

Ни историки XIX века, ни их современные коллеги не хотят принимать этой версии все-рез. С. М. Соловьев называет летописную историю «сказкой, которая произошла от смешения двух преданий – об основании Киева и о первых варяжских князьях его» [11. С. 297].

И. Я. Фроянов полагает, что новгородцам здесь отказало «чувство меры» и что это – всего лишь «обидный для киевлян навет» [12. С. 4].

Это не первый случай, когда современные историки лучше предков знают, – что же те имели в виду. Откуда у них, современных, такая уверенность? Ведь Кий, Щек и Хорив (да! Еще и загадочная Лыбедь!) мелькают в летописи однократно и непостижимо.

Откуда появились? Бог весть.

Куда исчезли? Неизвестно.

Нет в Киеве Щековой могилы, не сидели на престолах потомки Хорива, не известны бояре, кичившиеся происхождением от Лыбеди.

Если эта четверка не придумана – они могли быть решительно кем угодно, в том числе и разбойниками. И происходить из Новгорода могли – ведь о них ничего не известно!

Но как бы то ни было, а в этих летописных сказаниях – и где Кий хороший, и где он разбойник, – четко прослеживается соперничество двух центров Руси. Центры эти настолько важны каждый сам по себе, что невольно возникает вопрос: а почему мы называем это государство Киевской Русью, а не Новгородской? Или уж на худой конец Киево-Новгородской? Откуда такое однозначное предпочтение Киеву?

Пусть читатель найдет другое объяснение – но думаю, главная причина в том, что Новгород был очень уж «неудобным» предком. В массовом народном сознании вообще факты играют подчиненную роль, гораздо важнее основанные на фактах легенды.

Киев как легендарный первопредок устраивал всех; по крайней мере, никого не раздражал. А вот Новгород оказался слишком уж вольнолюбивым; Новгород – это народная вольница, демократия, вечевого колокол. Это какое-то особое место на Руси, где с монархами разговаривают на «ты», да еще и выгоняют их порой. Это слишком уж тесная связь со Скандинавией и немцами. Словом, Новгород – это чересчур уж соблазнительная, опасная легенда, таящая в себе вред для других государственных мифов.

В Российской империи совсем «задвинуть» Новгород и Ладогу не удавалось: слишком важна была история призвания варягов и утверждения династии Рюриковичей. Но и в XVIII–XIX веках Новгород и Киев не рассматривались как равнозначные центры. Всегда получалось, что Киев – «мать городов русских», а Новгород – все же не так важен.

В общем, мама у городов русских есть, а папу как-то забыли... Безотцовщина!

В советское время роль династии Рюриковичей в истории Древней Руси вовсе не казалась такой уж исключительно важной. СССР не чувствовал себя частью Европы, объединять себя с нею через варягов тоже не казалось таким уж полезно-назидательным. И в учебных пособиях стало обычным подчеркивать, что «Древнерусское государство возникло как результат длительного самостоятельного развития славянского общества» и что «славянин или варяг был первый князь» – не очень важно» [2. С. 23].

И государство СССР, и русское общество хотели быть особыми, независимыми от внешних влияний; это и заставляло Б. А. Рыбакова и В. В. Мавродина, и многих других искать (и находить!) предков Киевской Руси – более древние славянские государства. Но именно славянские, а никак не варяжские, и уж конечно, не единые с остальной Европой.

При советской власти роль Новгорода и Ладоги казалась еще более «лишней» и чуть ли не «подозрительной». О них писали еще меньше, чем в царское время, в Российской империи.

А тут и еще одна проблема...

Еще в XIX – начале XX века возникла политическая идея «самостийной Украины». Во время Гражданской войны 1918–1922 годов ее даже пытались воплотить в жизнь... Как именно – неплохо описал Михаил Булгаков в «Белой гвардии».

В конце XX века идея воплотилась в политическую реальность. С декабря 1991 года, после соглашения глав Украины, Белоруссии, Казахстана и Российской Федерации в Беловежской пуще, на свете существует Республика Украина.

Древняя Русь была государством всех восточных славян, общим предком для всех славянских народов. Но Киев находится на территории Украины и является ее столицей. Значительная часть истории Древней Руси протекала на территории этого государства. Уже в XIX веке, в работах первых теоретиков украинского национализма – Антоновича, Житецкого, Драгоманова, Чубинского, Костяковского, Чекаленко и других обосновывалась идея: Древняя Русь – это и есть Украина.

Современная Украина пытается присвоить историю Древней Руси как собственную историю. На государственном уровне! На денежных единицах Республики Украина – гривнах есть даже изображения древнерусских («украинских») князей Ярослава и Владимира, правда, только на самых мелких купюрах, достоинством в одну и в две гривны.

Самые крупные купюры выходят с изображением деятелей поздних времен, уже определенно украинских: купюра в 100 гривен украшена портретом Ивана Франко, 50 гривен – Вадима Гетмана, 10 гривен – Иваны Мазепы, пять гривен – Богдана Хмельницкого.

Как видно, Мазепа ценится вдвое больше Богдана Хмельницкого, а «первые украинцы» Ярослав с Владимиром в сто раз дешевле Франко... Если же серьезно, то претензия понятная и, уж простите, малосимпатичная.

Естественно, в работах украинских националистов Новгород не может иметь никакого отношения к «украинской» – то есть к древнерусской государственности. Желание украинских историков любой ценой «отгородиться» от новгородской прародины Древней Руси принимает просто отталкивающие формы.

Классик украинской исторической науки, профессор Львовского, а потом Киевского университета, многоуважаемый пан Михаил Сергеевич Грушевский ухитряется написать историю Древнерусского государства, ни разу (!!!) не упомянув Новгорода. Ни разу.

Пройти мимо варяжских имен первых русских (все-таки, хоть убейте, русских а не украинских) князей и их приближенных он не может. Но вот объяснение: «В этом веке к нам прибыло много военных людей из северных немецких краев, больше всего из теперешней Швеции. Они искали заработка и добычи в чужих странах и приходили на службу киевским князьям. При первых князьях их было так много в киевской дружине, что от этого потом пошла мысль, будто вся Киевская держава произошла от них». [13. С. 36].

Вот так и «сложилось предание про варяжское начало русских князей и самого имени Руси, что пошло от варягов» [13. С. 51].

«Так сложилась держава Киевская или Русская: киевская земля издавна называлась русской землей, Русью, потому киевские князья тоже назывались русскими, киевская дружина – русинами; что она с князьями завоевывала, присоединяла к Киеву – тоже начинало зваться русскими, Русью» [12. С.36].

Вполне естественно, что «среди всех украинских городов наибольшим и славнейшим был Киев», – продолжает классик украинской истории М. С. Грушевский [13. С. 33].

Писал М. С. Грушевский давно, в конце XIX – начале XX века. Тогда самостийность Украины была лишь голубой мечтой самых упертых украинских националистов. Сейчас эта мечта превратилась в политическую реальность, и писания в духе приведенных перестали быть безобидным бредом выжившего из ума академика.

ДО отделения Украины от СССР на бредни националистов можно было и не обращать внимания. ПОСЛЕ того как единое государство распалось, получилось так – мать городов русских вдруг оказалась за границей, а история Древнерусского государства начала «прихватизироваться» страной одного из восточнославянских народов.

Можно спорить о том, кто такие современные русские – какой-то новый народ, начавший складываться после 1991 года, или прямые наследники русских, создавших Российскую империю. Обе версии имеют своих сторонников и свои достаточно веские аргументы.

Во всяком случае, сейчас этот народ ищет свою национальную идею – идею, адекватную его нынешнему государству, его территории, его судьбе.

До 1991 года вопрос о роли других столиц Древней Руси, Новгорода и Ладоги, не стоял так актуально. Сегодня это вопрос, исключительно важный для современной России.

Об этих столицах не говорили – без преувеличения – века.

Только в 1996 году областному центру Российской Федерации – Новгороду вернули историческое название – Великий Новгород.

Только после пышного празднования 1100-летия Старой Ладоги и посещения Ладоги президентом Российской Федерации В. В. Путиным в июле 2003 года средний человек в нашей стране вообще узнал, что со Старой Ладогой связаны важнейшие общенациональные события.

Эта книга посвящена городам, которые я назвал «отцами городов русских». Действительно, если Киев – «мать городов русских», то кто такие первые столицы Руси – Новгород и Ладога? Если Новгород по праву следует считать «отцом городов русских», то Ладога, видимо, бабка.

В этих городах сформировалось некое более активное, «отцовское» начало, и именно из них был подчинен Киев и вся остальная Русь. Отсюда пошла древнерусская государственность, здесь воцарилась династия, которая потом объединила всю Русь.

Часть I

Русь – «Страна городов»

Англы убили еще трех сыновей Гуннара и потопили еще два корабля. Тогда Гуннар сказал, что он больше не хочет грабить англов, а хочет пойти на восток, потому что там есть Гардарики – страна городов.

Из скандинавских сказаний

Глава 1

Что такое Русь?

Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» – перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назовите свое судно «Корыто» – оно и плавать будет, как корыто.

Капитан Врунгель

Происхождение

Уже лет двести историки спорят о происхождении слова «Русь». Диапазон предположений невероятно велик и включает, разумеется, прямо противоположные утверждения. Иногда утверждается даже, что название страны начинается от русских кудрей. Там, где живут русые, – там Русь. Более серьезные гипотезы делятся на две довольно различные группы.

Согласно одним гипотезам, Русь и славяне – совсем не одно и то же. Русь – это германское племя, завоевавшее часть славянских земель. Или слово «Русь» считают более поздним и выводят его из названия германского народа-завоевателя. Росомоны, россы или росохи...

Исследователи напоминают о существовании и Reiland'a – области в Южной Германии, и острова Рюген... Впрочем, остров Рюген – славянская Руана, или Руяна, века до XII; так что германцы-русь вряд ли вышли именно отсюда.

Много раз в истории человечества случалось так, что завоеванные перенимали и язык, и обычаи завоевателей, и даже его самоназвание. Потомки тех, кого завоевали англы и саксы, стали называться англичанами и даже гордиться этим именем. Лангедокцы и гасконцы не забыли, что они – потомки жителей особых стран, не подчиненных никому. Но и название «французы» они к себе тоже относят.

Некоторые историки всерьез считают, что нечто подобное произошло и на Руси. Имя захватчиков – росомонов, россов стало самоназванием народа.

Есть и другое мнение – что часть славян и впрямь переняла самоназвание «ядра» будущего суперэтноса. Но что это ядро было вовсе не германским.

До сих пор впадает в Днепр его правый приток – речка Рось. Протекает она через Черный лес, по названию которого названа чернолесская археологическая культура, и большинство археологов считают, что эта культура праславянская. Может быть, россами называлось одно из племен, входивших в племенной союз полян, ставшее самым главным, самым сильным племенем из союза? Тем племенем, вокруг которого собирались остальные?

Если это так, то мы до сих пор называем себя так же, как славянское племя россов, обитавших на речке Рось?¹

Правда, от этого предположения пришлось отказаться: слишком уж оно не подтверждалось никакими решительно фактами.

Интересное предположение высказал Дмитрий Ульянов. На всякий случай уточняю, что к Владимиру Ульянову и ко всей его семье он не имел совершенно никакого отношения. Однофамильцы, и только.

По Ульянову, россы, русские – это «лучшие» люди. Выходцы из разных родов, ставшие вне родовой организации, – и есть русь, русские.

Ульянов пишет остроумно и доказывает свои положения убедительно и красиво. Но даже если он и прав, все равно ведь непонятно – откуда взялось само слово?

Может быть, как раз «лучшие» люди разных племен и родов и назывались по имени главного, самого «лучшего» племени? Так ведь и происходило во множестве других случаев.

Когда Северная Франция завоевала Прованс и Лангедок, жители этих земель, которые шли служить королю Франции, становились как бы французами. Гасконец д'Артаньян изображен Дюма как раз в тот момент, когда он совершает этот путь – из гасконцев во французы.

Так же развивались события и в сотне других мест, от Японии до Испании. Так могло происходить и на Руси, в бассейне Днепра.

Но в любом случае русские, российские, русь – это другое название восточных славян. Ядром этой общности стали то ли подданные германцев-россов, то ли подданные Киево-Новгородской Руси, собранные полянами, которых собрало племя рось. То ли те, кто согласился называть словом «рось» или «русь» лучших людей всех родов и племен. То ли подданные потомков росомонов.

Вне зависимости от того, кто прав и откуда пошло слово «россы», – русскими стали называть себя именно восточные славяне. Почему именно они, объяснить не берусь, но вот факт – ни к одному из племен западных или южных славян слово «Русь» никогда не применяется. Но нет ни одного племени восточных славян, которые не входили бы в общность «Русь».²

Развитие

До монголов Русью была страна, располагавшаяся в границах Киево-Новгородской Руси. Самоназвание «русь», «росы» относили к себе потомки «двенадцати племен», о которых писала «Повесть временных лет».

Позже все становится далеко не так определено. Приходится разграничивать понятия, которые сегодня в Российской Федерации мало кто умеет разделять: понятия «страна» и «государство». И в XIV, и в XV, и в XVI веках существует страна Русь. Страна – понятие географическое и культурно-историческое. Русь была географической территорией, на которой продолжали обитать потомки «двенадцати племен», бывшие подданные киевских великих князей.

Русь говорила на одном языке и прекрасно осознавала свое культурное единство, но в ее пределах появилось много разных государств. С разным политическим строем, с разной религией, с ориентациями на разные цивилизации и страны. Судьбы разных частей Руси неизбежно начинали расходиться.

«Руссией» владеют ныне три государя, большая часть ее принадлежит великому князю Московскому, вторым является великий князь Литовский, третьим – король Польский, сейчас

¹ Странник этого мнения, например, Валентин Иванов, автор «Руси изначальной». – *Прим. научного редактора.*

² В этом месте научный редактор почти утратил членораздельную речь, обвиняя автора в слишком легком обращении с источниками и неправильном понимании истории. К мнению автора он не присоединяется. – А. Б.

владеющий как Польшей, так и Литвой», – писал Сигизмунд Герберштейн во второй половине XVI века [17. С. 59].

А. А. Манкиев в своей книге «Ядро российской истории» пишет о народах «...Московских, Русских, Польских, Волынских, Чешских, Мазоветских, Болгарских, Сербских, Кроатских и прочих всех, которые обще Словенский язык употребляют» [18. С. 151].

Так же точно и Иннокентий Гизель говорит о народах «Московских, Славенороссийских, Польских, Волынских, Чешских, Сербских, Карвацких и всех обще, елико их есть, Славенский язык природно употребляющих» [19. С. 7].

Сами русские, «русины» и на Северо-Западе Руси, и жившие на территории Польско-Литовского государства отделяли себя от Москвы. На рубеже XV и XVI веков литовские политики категорически отказывались именовать восточного соседа, Московию, державой всея Руси.

С точки зрения официальных историков Российской империи, эта империя объединила разорванную было Русь: к концу XVIII века возникло государство, в которое вошли все земли Древней Киево-Новгородской Руси. Государство, которое создали русские.

«Россия в собственном смысле слова занимает величайшую в мире площадь, граничащую с севера Белым и Словенским (Балтийским) морями, с запада – рекой Вислою до Карпат включительно, с юга – Русским, или Черным морем и с востока Уральским хребтом» [20. С. 16]. Это мнение разделяли такие крупные ученые, как В. О. Ключевский и С. М. Соловьев.

У них получалось так, что в начале XX века «русские» живут там, где мы их давно не «обнаруживаем». Картина, идиллическая для сердца «патриота».

Еще в начале XX века, до 1914 года, на географических картах «русские» жили от Тихого океана до пределов Австро-Венгерской империи. Никаких белорусов и украинцев. Никаких галичан. Это в советское время говорилось о «трех братских народах»: русских, белорусах и украинцах. В Российской империи такими глупостями не занимались. В число русских однозначно включали даже подданных Австро-Венгерской империи, – живших в Карпатах русских-русинов.

Русские, которых в Польше и в Австрии часто называли русинами, – это огромный народ, в начале XX века живший на колоссальной территории – от австрийских владений Габсбургов и западных районов Польши до Калифорнии и Аляски.

Глава 2

Расколы Руси

*Платные агенты буржуазии, анархисты и эсеры откололись от революционного движения.
Из учебника «История КПСС»*

Удивительные словене

Где бы ни находилась прародина славян – на Дунае, на Верхней Висле или в Поднепровье, это была небольшая страна, и населяли ее люди, которые могли одинаково одеваться, жить в похожих жилищах и главное – вести хозяйство сходными методами. Потому и были они единым народом.

Но вот за считанные века восточные славяне расселяются по колоссальной территории. Почти тысяча километров отделяет Ладогу в низовьях Волхова от Переяславля на Нижнем Днепре. Когда осенние дожди уже заливают дюны над Балтикой, в южной полосе России вы вполне можете получить солнечные ожоги, если выйдете в степь без рубашки.

Полторы тысячи километров отделяют Бранный Бор племени лютичей, ставший немецким Бранденбургом, от финского селения Москва, ставшего русским городом и столицей Российской империи. Когда в Москве уже играют в снежки и лепят снежную бабу, в Бранденбурге вы можете гулять в одном костюме, а в полдень даже снимете пиджак.

Все это – земли славян.

Долгое время сохранялось единство, вынесенное славянами со своей таинственной прародины. В IX веке византийские монахи Кирилл и Мефодий (армяне по происхождению) работали в Болгарии и в Чехии. Они создавали письменный и церковный язык не для одного какого-то племени, а для всех славян – восточных, южных и западных. Единство славян казалось чем-то весьма реальным даже еще в X веке.

Но вот дальше судьбы начали расходиться. Огромность территории – это разный климат, а ведь к нему еще надо приспособиться. Климат требует подходящей одежды, подходящего жилья, другого поведения от человека.

Обитая в разных местах, славяне неизбежно начинали по-разному одеваться, строить разные жилища и очень по-разному вести себя. Они сталкивались с разными природными реалиями. В каждой из природных зон поселенцам приходилось находить новые слова для обозначения тех явлений, с которыми другие славяне не сталкивались никогда. Менялись и поведение, и язык, с первых же поколений начали складываться разные типы славянских культур.

Но самое главное – славяне имели дело с разным климатом, разным животным миром, с разными сроками наступления времен года, с разными речными и озерными системами, с разными сроками выпадения обильных или скудных дождей и снегов. Даже если бы славяне захотели – они не смогли бы вести хозяйство одними и теми же методами. На разные народы, даже на разные цивилизации разводила славян не история, а сама по себе география.

Для начала у восточных славян возникло двенадцать племен. Эти двенадцать племен старательно описаны в «Повести временных лет». Составлена «Повесть» монахом Нестором в начале XII века – но и тогда еще деление на племена не исчезло, оно сохранялось до конца XIII, даже до начала XIV века.

Строго говоря, это не племена, это союзы племен. Каждый такой союз насчитывал несколько тысяч, а то и десятков тысяч человек. У каждого союза были свои старейшины родов, вожди племен, верховный вождь всего племенного союза. У племенного союза – свой язык.

Племя легко понимает людей из другого племени, им для этого не нужен переводчик, но «своего» от «чужака» легко определяют по языку, по акценту.

Так современному русскому достаточно понятен украинский язык, но стоит ему самому заговорить – и сразу будет виден иноземец. У союза племен была своя территория, свои торговые города, своя столица, свои связи с окружающим миром.

Каждый союз племен имел свои особенности в одежде и обуви. По покрою одежды, по вышивке на ней, по украшениям всегда можно было определить, какого племени человек. Археологи определяют принадлежность к племени «на раз», особенно если погребена была женщина. У всех восточных славян женщины носили у виска особые украшения – височные кольца.³ У каждого племени эти кольца так характерны, что остается только пересчитать лопасти кольца, увидеть форму его сечения, оценить расположение лопастей... и все понятно. Исключений не бывает никогда.⁴

Обувь в погребениях не сохраняется, но известно – поляне осуждали древлян за то, что они не носили сапог, а только лапти. Северяне носили лапти из кожаных ремней, а кривичи – деревянные башмаки.

Одним словом, каждый союз племен, каждое «племя» в летописи Нестора, – это особый небольшой народ, четко отделяющий себя от других и в свою очередь легко отличимый от них.

Среди восточных славян есть довольно странный племенной союз, не имеющий особого названия, – словене ильменские. Все остальные «племена» имеют имена собственные: радимичи, кривичи, вятичи, поляне, северяне, тиверцы, уличи, бужане, волыняне, дреговичи. Все названы, у всех свои «имена». Только возле озера Ильмень живут вовсе не ильменцы и не волховчане, а словене ильменские. Иногда летописцы именуют их еще короче – «словене». Просто «словене» – и все.

Язык ильменских словен известен – в эпоху древнего Новгорода на нем писали довольно много. Ученых поражает, какой это архаичный, древний язык, как много у него общего с языками западных славян. Этот язык сохраняет очень многое от времен нерасчлененного славянского единства.

Есть версия, что даже заселение областей северо-западной Руси шло другими путями, чем остального мира восточных славян: кроме пути через Карпаты в бассейн Днепра, славяне продвигались с южных берегов Балтики к берегам Великой, Волхова и Ладogi.

Если это так – то словене ильменские и впрямь «сухой остаток» бывшего нерасчлененного славянства. По славянам ударили, разделили их на две части готы – и одни славяне двинулись на запад, другие на юго-восток... А третьи – небольшая группа ушла на восток. Да! Словене ильменские – «сухой остаток» нерасчлененного когда-то общеславянского единства.

Области словен ильменских – будущая северо-западная Русь. Будущие земли Новгорода.

Спустя несколько веков восточные славяне, продвигаясь на север, обнаружат близ берегов Балтики своих дорогих сородичей... Но сородичей, говорящих все же на особом языке, напоминающем язык общих славянских предков, и не осознающих себя каким-то особым племенем...

Они – словене; просто словене – и все. Ситуация такая же, как если бы к греку или кельту вышел бы кто-то и назвался арием.

³ Кстати, височные кольца могли использоваться (и использовались) и как серьги. Прикинь – пять-шесть здоровых сережек-колец, типа вятических или радимических, в одном ухе. Папуасы, а! – *Прим. научного редактора.*

⁴ Андрияша, перестань душить народ! Исключения все-таки бывают, хотя и крайне редко. – *Прим. научного редактора.*

Расколота Русь

Сложившись к концу I тысячелетия по Р. Х., в конце II тысячелетия Русь сама начала раскалываться. На это по-прежнему «работала» география – новые расколы (или отколы от прежней общности) происходили потому, что люди обитали в совершенно разной природной обстановке. Но теперь географии помогали еще и государственные границы. Что естественно, – живя в одном государстве, славяне сталкивались с одними и теми же законами и политическими институтами, использовали одни и те же слова для их обозначения. Они жили в одном правовом поле, пользовались одними правами и исполняли единые обязанности. Выработался общий характер, похожие обычаи, привычки, нравы.

С XIV века Русь расколота на пять частей – с разным политическим строем, разными традициями. Много разных государств владеют землями, на которых живет русский народ, на многие княжества разбита русская земля. В разное время этих княжеств разное количество.

В XIV веке землями Западной Руси владеют Великое княжество Литовское и Русское, Польша, Венгрия. В XVI веке Польша и Великое княжество Литовское и Русское объединятся в Речь Посполитую, а венгерские земли окончательно завоюет Австрийская империя. В каждом из этих государств сложится особый этнос восточных славян.

Великое княжество Литовское и Русское породит белорусов.

На коронных землях Польши возникнет народность украинцев. Эта народность окажется расколотой на «западенцев», которые оказались в составе Польши с XIV века, и на «восточников», чья территория стала коронными землями в XVI веке, после унии 1569 года (подробнее я рассказываю об этом в другой своей книге [21]).

Русских в Польше и Австрии часто называли русинами; это два названия одного и того же народа. Разница в названиях, конечно же, есть, но русин – это даже более уважительно. Потому что русские – это некое притяжательное название, в котором главным является то, что люди принадлежат земле. Русские – принадлежащие России.

А русины – это название самодостаточное. Такое же, как поляки, англичане, шведы или, скажем, каталонцы.

Какая форма предпочтительней? Вопрос в том, что признается главным. Или «мы» – часть страны, ее принадлежность и атрибут. Или «мы» важны именно как совокупность людей с общей культурой, историей и языком.

На протяжении всего XVIII и XIX веков никому не приходило в голову, что русские и русины – это два разных народа.

В Австрии, в империи немецкой династии Габсбургов, формируется маленький народ – карпатороссы.

В начале Первой мировой войны руководителей общины русинов пригласил к себе министр внутренних дел Австро-Венгрии граф Черни (сама фамилия, кстати, неопровержимо свидетельствует о славянском происхождении предков графа). Граф Черни предложил австрийским русинам объявить себя особым народом, который не имеет ничего общего с русскими и с Российской империей. Тогда они могут рассчитывать на лояльное отношение австрийского государства и на помощь в организации культурной автономии – создании печати на своем языке, преподавания на русинском языке в школах и т. д.

Граф Черни не скрыл, что правительство опасается – если русины будут считать русских дорогими соплеменниками, то Российская империя легко найдет среди них своих шпионов и агентов влияния. Австрия не допустит, чтобы русины стали «пятой колонной» для Российской империи; если они не согласятся с предложениями австрийского правительства, то подвергнутся репрессиям, как жители враждебного государства.

Руководители общины согласились с предложениями австрийцев. Община приняла решение своего руководства. Маленький народ стал называться карпатороссами, и это название прижилось.

На северо-востоке Руси поднимается жуткая русско-татарская Московия – оживший кошмар русской истории, воплощение всего самого худшего, что только есть в русской жизни.⁵ Московия пытается представить себя наследницей всей Древней Руси... Но с ней не согласны русины Речи Посполитой... И не только они – Господин Великий Новгород и Псковское княжество продолжают традиции Древней Руси – не на словах, а на деле.

До конца XV – начала XVI века шло самостоятельное развитие северо-западной Руси – области со своим языком, своими традициями, своей государственностью.

Северо-Запад Руси, эти два княжества, Псков и Новгород, – в самой большой степени «сухой остаток» Древней Руси, ее прямой наследник и продолжатель. Весьма возможно, тут уже начал формироваться новый народ... Но развитие Новгорода и Пскова было прервано завоеваниями Москвы. Арнольд Тойнби ввел в науку понятие «абортированная цивилизация» – цивилизация, развитие которой прервано завоевателями. К их числу великий теоретик относил цивилизации индейцев майя, кечуа, ацтеков [22. С. 399].

Добавим в этот список Псков и Новгород – абортированные Москвой государства. А вместе с ними оказались абортированы Москвой и язык, и целый народ – наследник словен ильменских, помнящий готское нашествие.

Из-за этого исторического аборта исчезла одна из пяти культурно-исторических земель, на которые разбилась Древняя Русь. Возникали пять самостоятельных народов – но возникло только четыре: белорусы, украинцы, карпатороссы и русские-великороссы.

Отколыники от Руси

Судьба русских-великороссов поучительна и необыкновенна. Начнем с того, что мы сами не знаем, как себя называть. До Великого Катаклизма 1917–1922 годов русскими назывались все восточные славяне. Все. Большевики пришли к власти не только на волне «борьбы за справедливость», но и на волне «борьбы с великорусским шовинизмом». В раже этой борьбы они тут же признали право наций на самоопределение и «выделили» белорусов и украинцев из числа русских. Далеко не все так уж рвались «выделяться», но их никто особенно не спрашивал.

А тех, кто выражал сомнение в такой необходимости, называли «русопятами», «кондовыми», «длиннобородами», «шовинистами», «патриотами», «контрреволюционерами», «антисемитами». Слова это были примерно одного смысла, и вели они прямоком в расстрельные подвалы ЧК. В одном Крыму венгерский еврей Бела Кун и украинская еврейка Голда Залкинд по кличке Землячка уничтожили больше десяти тысяч россиян (в основном этнических русских) «за то», что они были «патриотами, монархистами и офицерами». Впрочем, и об этом – совсем другая моя книга [23].

Большевики очень не хотели сохранения имперского народа – русских. Это название стали применять только к одной из ветвей русского народа – к великороссам, то есть обитателям Великой России. Здесь надо сказать, что название Великая Россия вовсе не содержит никаких претензий на великодержавность и вообще на величие – в каком бы то ни было смысле.

Великая, то есть большая Россия, – это земли бывшей Московии плюс земли Новгорода и Пскова плюс Твери и Рязани. И только. Великороссы и правда отличаются от белорусов и малороссов-украинцев, но, в отличие от них, никогда не осознавали самих себя каким-то особенным народом.

⁵ Не торопись с эмоциями, для них еще не настало время. – Прим. научного редактора.

На Украине уже в XVII веке, в ходе Украинской войны 1654–1667 годов между Москвией и Речью Посполитой, начало формироваться самосознание украинцев. В 1710 году Григорий Иванович Грабянка обосновал различия «козаков» и «москалей» на мифологическом уровне. В своей украинской летописи «Действия презельной и от начала поляков кровавшей небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана Запорожского с поляки» Г. И. Грабянка выводил москалей от библейского Мосоха, а вот «козаков» – «от первого сына Иафета, – Гомера» [24. С. 16].

С тех пор самосознание украинцев только ширилось и крепло – притом что даже в начале XX века далеко не все жители Малороссии были готовы признать себя украинцами.

В Белоруссии это началось позже, но к началу XX века довольно многие жители Белой Руси готовы были признать себя не русскими, а представителями какого-то совсем другого народа.

И даже карпатороссы, пусть не без помощи австрийских властей, осознают, что они – не русские.

То есть получается – в начале XX века три народа откалываются от русского единства. Как много раз до этого от единств разных групп индоевропейцев откалывались новые народы. А великороссы не откалываются. Они продолжают осознавать себя русскими, и многие из великороссов до сих пор искренне не понимают, почему остальные «отколыники» не хотят поступать так же. Что это они вообразили?!

Большевики стали заниматься национально-территориальным устройством народов СССР, разводить всех по национальным квартирам. И привели все еще в больший хаос. Причерноморье, завоеванное в конце XVII века, не входило ни в историческую Великороссию, ни в историческую Малороссию. Новые земли так и назвались – Новороссия, с новыми городами Новороссийском, Одессой, Херсоном. С Новороссийским университетом в Одессе.

Часть Новороссии с Одессой большевики отдали Украине. Теперь русско-молдаванско-еврейский город Одесса превратился как бы в украинский. Достаточно взять в руки хоть Бабеля, хоть Гарина-Михайловского с его «Детством Темы» и «Гимназистами» [25], чтобы убедиться – действие разворачивается где угодно, только не на Украине.

Другую, восточную часть Новороссии отдали России – РСФСР. Как бы великороссами оказалось смешанное население территорий, где всегда говорили о поездках, идущих на Москву: «В Россию поехал».

Территориальная путаница дополнялась еще и путаницей с самоназванием. Самоопределение «великороссы» не прижилось, да как-то и не очень понятно.

В неудержимой борьбе с неизвестно где выисканным антисемитизмом братья Стругацкие вводят в свою антихристианскую повесть «Отягощенные злом» комедийный образ «патриота» по кличке Сючка. И этот самый Сючка в графе национальность всегда писал «великоросс» [26. С. 59]. Для читателей этого бреда было очевидно – раз называет себя великороссом – претендует на некое русское величие, великодержавность и вообще враг братьев наших мень... то есть я хотел сказать, национальных меньшинств.

Ведь мы до сих пор называем себя русскими и психологически осознаем преемниками древнерусской народности Древней Руси. Она же Киевская Русь, она же Киево-Новгородская Русь.

Получается удивительная вещь: как бы ни относиться к русофобии Ленина, Троцкого, Луначарского und so weiter,⁶ но в одном они были правы – великороссы в начале XX века остались единственной группой русского народа, которая однозначно осознавала себя его частью и преемником его истории. Тем самым «сухим остатком», о котором уже шла речь. Тем «сухим остатком», который возник после всех «отколов» от первоначальной общности.

⁶ И так далее (нем.).

К наследию Древней Руси сейчас многие тянут руки. В Белоруссии то ли люди умнее, то ли просто со вкусом у них получше. Во всяком случае, там если и говорят порой про Франциска Скорину, который писал на белорусском языке и «создавал белорусский язык» [27. С. 441–446], если и пытаются представить Великое княжество Литовское и Русское «белорусским», – то о своих предках, части древнерусских племен, пишут вполне корректно, не пытаясь подмять под себя всю общую древнерусскую историю. И уж во всяком случае, не в пример пану Грушевскому, не считают зазорным поминать о существовании Новгорода и цитировать «Повесть временных лет» [28. С. 6–11].

Удивительную историю Украины, в которой Новгород вообще не упоминается, я уже цитировал.

Про удивительные изображения «украинских» князей на денежных купюрах-гривнах уже повествовал читателю.

Украина любит объявлять себя Русью... Но вот что интересно – памяти о Древней Руси украинский народ не сохранил. Легенды про Владимира Красное Солнышко, про Ярослава и Святослава, былины про богатырей и про бой Ильи Муромца с Чудищем поганым и с Жидовином записаны вовсе не на Украине, они записаны на севере Великороссии – в Олонецком крае, на Вологодчине. Что характерно – память о Древней Руси, ее героях, богатырях и князьях сохранил не теплый юг Великороссии, отбитый у степняков в XVIII веке, а именно север – север, где больше всего сохранилось от Новгородчины, прямого «пережитка» Древней Руси.

Ни украинцы, ни белорусы, ни карпатороссы не хранят памяти о Древней Руси. Не в том дело, что народы эти бездарные, малоспособные к фольклорному творчеству и вообще какие-то «плохие». Украинские песни по уровню искусства и по напевности сравнивают ни много ни мало – с итальянскими.

Дело в том, что все эти народы – очень молодые. Украина помнит все, что прямо относится к сложению украинского народа, – польский гнет, набеги крымских татар, хмельнитчину, войны с москалями, жидов-арендаторов, бесконечные войны, по существу, со всеми на свете. Но того, что было ДО формирования украинцев, – не помнит. Народ, который возник в XVII–XVIII веках, никак не может хранить в своей исторической памяти то, что произошло в IX или в XIII веке.

Память об этом сохранил только великорусский народ – «сухой остаток» расколовшейся, распавшейся Руси. Единственный народ, сохранивший самоназвание «русские» и память об общем прошлом всех восточных славян.

Глава 3

Юг и север восточных славян

*Здесь люди дремлют в пьяной неге.
Ведут войну рукой наемной.
Им чужды вольные набеги...
Но ты родимый север помни!*

В. Брюсов

Расселение на юге и севере

На юге славянского мира тепло. Южнее Дуная климат близок к субтропикам. Тепло и на современной Украине. Здесь не надо много земли, чтобы прокормиться самому и прокормить семью. Земледелие здесь важнее скотоводства, и люди готовы распахать почти всю землю, которая годится под посевы.

Там, где такой земли много, люди будут жить очень плотно. На всех равнинах, где горы и море не теснят человека с плугом и мотыгой, раскинется много деревень. В каждой деревне будет жить много людей. Если каждому земли нужно много – приходится селиться подальше друг от друга. Если земли каждому нужно меньше, участки невелики – можно селиться тесно, вплотную друг к другу. А ведь люди в прошлом старались далеко не расходиться без нужды: вместе и веселее, и безопаснее.

На юге часты сильные ветры, особенно опасные потому, что леса на равнинах давно нет. На юге – проблемы с водой. Тем более что людей много, и воды тоже нужно много. Большие, многолюдные села юга не стремятся к возвышениям, наоборот. Большие села юга жмутся в понижения, чтобы спастись от ветров и оказаться поближе к воде.

На юге выгодно разводить сады. Яблоки, груши, орехи, персики – вовсе не лакомство для южан, а самая обыкновенная пища. При осадах, нашествиях, войнах сушеные фрукты – очень выгодный вид запасов: легкие, долго хранятся. И вкусные. Значит, окрестности сел юга, их неказистые домики скроет сплошной покров фруктовых деревьев. Весной нежное белорозовое кипение вызовет обострение романтических чувств у юношей и девушек. Осенью звук падения спелых плодов – интерес совсем другого рода.

На юге тепло. Не нужны бревенчатые срубы, не обязательна каменная кладка. Можно сделать не избу, а хату. По мнению многих ученых, само слово «изба» – не коренное славянское слово. Оно происходит от германского *stube* – штабель и занесено к славянам германским племенем готов. «Штабелем» клали бревна, делая теплое в любом климате, надежное удобное жилище.

А вот хата, по мнению тех же ученых, – как раз типично славянское, искони славянское жилище, и первоначально хата не имела ничего общего с избой. Потому что стены хаты делались из переплетенного лозняка – плетня, обмазанного сверху глиной. Сделать такую хату можно быстро, и трудовых затрат на постройку нужно немного – особенно если и пол сделать земляной или обмазанный глиной.

На юге мало хороших пастбищ, трудно прокормить рабочую лошадь. К счастью, рабочая лошадь на юге и не особенно нужна. Земли у хозяина мало, лошадь можно заменить медлительным, туповатым, но более выгодным волком. На воле так много не вспашешь, но и поле на юге маленькое, и лето долгое, – торопиться не надо.

На севере леса теснят пашни, окружают небольшие деревушки. Почвы скверные, большое значение имеет скотоводство. Для ведения хозяйства нужно много земли, и люди живут на

расстоянии друг от друга. Дома строят из бревен, снабжают большими печами. Нужно возить лес на постройки, потом дрова на всю зиму, нужно распахать большие поля, вдалеке от дома. Каждую весну нужно вывезти много зерна для посева, много навоза для удобрения поля. Каждую осень нужно вывозить урожай, иногда – издалека.

Значит, необходима рабочая лошадь, и часть зерна придется потратить на ее прокормление. Ведь без ячменя и овса лошадь быстро выбьется из сил на пахоте и перевозке тяжестей.

Обширные пространства лугов, полей, лесного высокотравья делают выгодным скотоводство. Некоторые ученые считают даже, что и корова на севере нужна была вовсе не только для мяса и молока, но и для навозного удобрения. Само земледелие властно требовало соединять тут земледелие со скотоводством.

На севере выгодно использовать лес. Зачем разводить сады, тратя невероятные силы, если можно прямо в лесу собирать малину, землянику, голубику, чернику? Если там же можно брать грибы и орехи-лещину? В лесу можно охотиться, в том числе и на крупного зверя. Один лось или медведь дадут столько же мяса, как забитая свинья или корова, а их ведь не надо выращивать, кормить, охранять, не нужно строить для них хлев.

Если читатель утомился следить за моими рассуждениями, я попрошу – поверьте, это очень важно! Эти различия крайне важны для того, чтобы понять разницу между славянским севером и югом. Потому что за этими различиями в образе жизни, в способах ведения хозяйства, даже в облике жилища стоят огромные различия в общественной психологии. Такие большие различия, что людям становится трудно понимать друг друга.

Чтобы жить на севере, нужно вести более сложное, многовариантное хозяйство. Нужно и пасти разные породы скота (а пасти их надо в разных местах), и заготавливать им сено или веники на корм. Нужно постоянно помнить, *что* сеять и на каком из каменистых, бедных полей. Надо собирать ягоды, грибы, выращивать огородные овощи, ловить рыбу и охотиться... то есть нужно постоянно думать, рассчитывать, решать самому, брать на себя ответственность. И делать это приходится, волей-неволей, несравненно чаще, чем южанину.

Населенные пункты лежат далеко друг от друга, в случае несчастья, нападения волков или врагов помочь чаще всего некому. Значит, надо быть самостоятельным, умелым, объединяться с соседями, но самое главное – уметь помогать себе самому. И еще... Северянин много может получить от своего многосложного хозяйства. На юге повседневная еда – фрукты, которые лакомство для северянина. Но на севере масло и мясо – тоже повседневные продукты. На густо населенном, бедном юге лакомство как раз скорее масло. Северянин ест более однообразно, но зато ест сытнее, плотнее.

Сколько бы ни получал северянин, немного он может отдать. Ему нужен крепкий, теплый дом, необходима теплая одежда – те самые меха и кожи, которые роскошь на юге. Нужна калорийная еда – без нее северянин физически не сможет работать. Даже лошадь на севере надо подкармливать овсом, вместо того чтобы съесть этот овес самому.

Нужны орудия труда, в которых не нуждается южанин: расчищать лес под пашню, рубить на дрова – для этого нужен железный топор. На плуг нужен железный сошник, иначе не поднять бедной и плотной земли севера. Слишком многое необходимо северянину оставить себе для жизни и для ведения хозяйства. Слишком мало можно отнять от его хозяйства без риска погубить самого земледельца.

На юге крестьянин мог взять от земли гораздо больше, чем ему необходимо потребить. Не так много было нужно ему для ведения хозяйства, не так необходим прочный, большой дом, теплая одежда зимой. Это богатство оборачивалось бедой – ведь если есть что взять, всегда находятся любители. На юге всегда оказывалось много тех, кто сидит на шее у земледельца.

На севере лес присутствует в повседневной жизни людей. Лес начинается тут же, зубчатая стена видна с крылечка, рисуется на фоне заката. Красиво, интересно... и далеко не безопасно. Потому что в лесу есть грибы и ягоды, но еще там есть медведи, волки и рыси. А

лось, кстати говоря, бывает опасней медведя. Летом медведь человека обычно не трогает, а вот лосю, бывает, очень не нравится, когда по его территории ходят всякие двуногие. Лось нападает порой и на детей – просто чтоб не мешали, не шумели.

Уютные девичьи занятия типа сборов ягод и грибов легко прерывались зверьем и тоже требовали храбрости, силы характера, ответственности.

А охота?! Даже в наше время, с карабинами и двустволками, охота на крупного зверя требует, как иногда говорят, мужских черт характера. Говоря попросту, это бывает и опасно, и страшно. Если читатель никогда не встречал в лесу крупного зверя, пусть поверит на слово – это незабываемое зрелище, когда взмывается из высокой травы колоссальная буро-рыжая туша с узкой длинной мордой, сверкает умными злыми глазками.

Что ж говорить о временах, когда медведя брали у берлоги на рогатину, а лося – во время гона, в октябре: тогда разъяренные быки не замечают ничего вокруг. Охота для средневекового человека означала необходимость идти, уставя копье, против обезумевшего, дико хрюпящего зверя весом в полтонны, с горящими глазами, рогами-лопатами, копытами побольше коровьих.⁷

Для жизни на севере необходимо было быть не только активным и самостоятельным, но и смелым. Необходимо было уметь владеть оружием, преодолевать страх, боль, томление тела, не желающего рисковать.

Психология Севера и Юга

В феодальных обществах Европы охота считалась не просто привилегией знати. Она была способом тренировать молодежь, приучать будущих воинов к определенному образу жизни, формировать в них нужные задатки.

В обществе, образом жизни которого была война, считалось необходимым научить будущего рыцаря-всадника скакать весь день на лошади, точно пускать стрелу, принимать на копье огромного зверя. И уметь подстраховывать друг друга, помогать товарищам, надеяться на выручку стоящих и скачущих рядом. Наконец, воин должен был привыкать к чувству опасности, к виду крови, смерти, туш зверей со страдальческим смертным оскалом, самому акту убийства. И получать от всего этого удовольствие!

Не случайно же вся атрибутика европейских охот, этого развлечения знати, включает столько элементов ведения военных действий. И выезжали на охоту коллективно, во главе с сеньором, строго соблюдая все общественные ранги и различия. И действовали группой, спаянным коллективом, – точно так же, как будут действовать на войне. А после охоты вместе пили вино, обсуждая детали охоты, – проводили «разбор полетов». Даже охотничий рог прямо происходит от римского буксина, которым созывали «своих» и в рыцарских дружинах европейской земельной аристократии.

Известен случай, когда арабские послы, прибывшие от знаменитого Гаруна аль-Рашида к престолу Карла Великого, позорно бежали во время охоты на зубров [29].

В Европе дворянство далеко не случайно сделало охоту своей наследственной привилегией. Дело здесь, право, вовсе не только в бедности охотничьих угодий. Допустим, лесов и правда было мало в южной, субтропической Европе – в Италии, на юге Франции, в Лангедоке, в Провансе. А в Британии? В Британии лесов было как раз довольно много.

В знаменитом Шервудском лесу, прибежище Робина Гуда, простолюдин вполне мог бы застрелить оленя. Во-первых, умел застрелить. Во-вторых, оленей было еще много. Почему же тогда смертная казнь грозила тому, кто убьет «королевскую дичь»?

⁷ Тут бы вспомнить о «Поучении Мономаха»: на вепря один ходил. А вепрь – это не домашняя чушка. Огромные (в три-пять раз крупнее современных свиней) клыки находят при раскопках. Кстати – на севере (на юге – не знаю, не проверял), в Пскове. Длина клыка кабана порядка 25–30 сантиметров. – *Прим. научного редактора.*

Ясное дело, не потому введена была смертная казнь за убийство животного, что король отличался патологической жадностью и оленей ему было жалко. И не в жестокости королей и феодалов тут дело. Простолюдина, решившего поохотиться, казнили потому, что не нужны были королю и его приближенным простолюдины, умеющие пройти лесными тропками, уловить движение в кустах, успеть натянуть лук, послать стрелу. Если им позволить, они ведь смогут так же стрелять и не только в оленей, а чего доброго, и в королей?! Или уж по крайней мере в шерифов?! Кстати, Робин Гуд как раз и доказывает, что подозрения феодалов очень даже не беспочвенны.

Ну так вот – та самая охота на славянском севере была обычным, будничным занятием. Так сказать, видом повседневной хозяйственной деятельности.

В Британии же, получается, феодалы пытаются жить так, как мужики живут на славянском севере... а для простолюдинов хотят устроить образ жизни жителей славянского юга. Без привычки к оружию, самоорганизации, дисциплины... Без бытовых привычек европейского дворянства и крестьянства севера Европы.

Такие же различия между севером и югом были, конечно, не только в славянском мире, но и в романо-германской Европе. Не случайно у норманнов была поговорка: «На юге легче гнутся спины». Не удивительно – на севере Европы (Скандинавия, Дания, Германия, Польша) активное, самостоятельное крестьянство привыкло к оружию, которым и охотилось, и отбивалось от противника. На юге (Италия, Франция, Греция) такой привычки у большинства людей не было.

Вот и корни социальной психологии. Жизнь на севере формировала типы людей, которые различались, прошу прощения, как лошадь и все тот же неизменный вол.

Северянин просто по необходимости оказывался несравненно инициативнее, активнее, бойчее южанина. Он даже говорил быстрее, напористее, меньше выяснял ранг незнакомого собеседника. И уж конечно, он несравненно больше уважал самого себя, и спина его гнулась непросто.

Люди севера, – самостоятельные, предприимчивые, свободолюбивые, вовсе не привыкли, что ими кто-то командует, тем более – завоеватель. И взять с них можно сравнительно немного, хотя сами они привыкли жить... ну, богато – пожалуй, сильно сказано. Но обеспеченно – это уж точно.

Даже завоевав землю северян, трудно было сделать их рабами. Само хозяйство требовало никак не рабских черт характера, а напротив – инициативы, самостоятельности, предприимчивости. И даже сделав северян рабами, трудно было разбогатеть их трудом.

На юге легче завоевывать людей, подчинять своей воле («легче гнулись спины»). А завоевав, легче использовать их труд для обогащения.

Весь юг Европы – это нищее крестьянство и сравнительно обеспеченное дворянство; феодалы на западе; довольно состоятельные горожане, чиновники – на востоке. Таковы Лангедок, Прованс, да вообще почти вся Франция, Италия, Испания, Балканы, Греция.

Но совсем не таковы Скандинавия, Дания, да и Британия – где так и не возникло никогда слоя зависимых крестьян-рабов, а национальным героем стал Робин Гуд, – что характерно, вовсе не ноттингемский шериф.

Юг и Север Руси

В славянских землях очень легко определить границы распространения южного типа хозяйства. Для этого вовсе не нужно быть профессиональным историком, нет нужды поднимать документы... Достаточно сесть на поезд, идущий из Петербурга в Крым или на Кубань, и разница между севером и югом предстанет предельно наглядно.

Чем дальше на юг – тем меньше лесов, тем виднее рука человека во всем. Примерно до Харькова поезд будет грохотать на стыках, проносясь через сравнительно редкие деревни, в каждой из которых живет несколько десятков, самое большее – несколько сотен человек. Эти деревни хорошо видны. Если даже их не поставили на возвышении, они все равно выделяются на местности, среди полей.

Южнее Харькова деревни становятся все больше, занимают все большую площадь и станут менее заметны. Эти большие деревни начнут жаться к понижениям, где меньше чувствуются ветра и где не так далеко до воды. Деревни растекаются по днищам логов, распадков, балок.

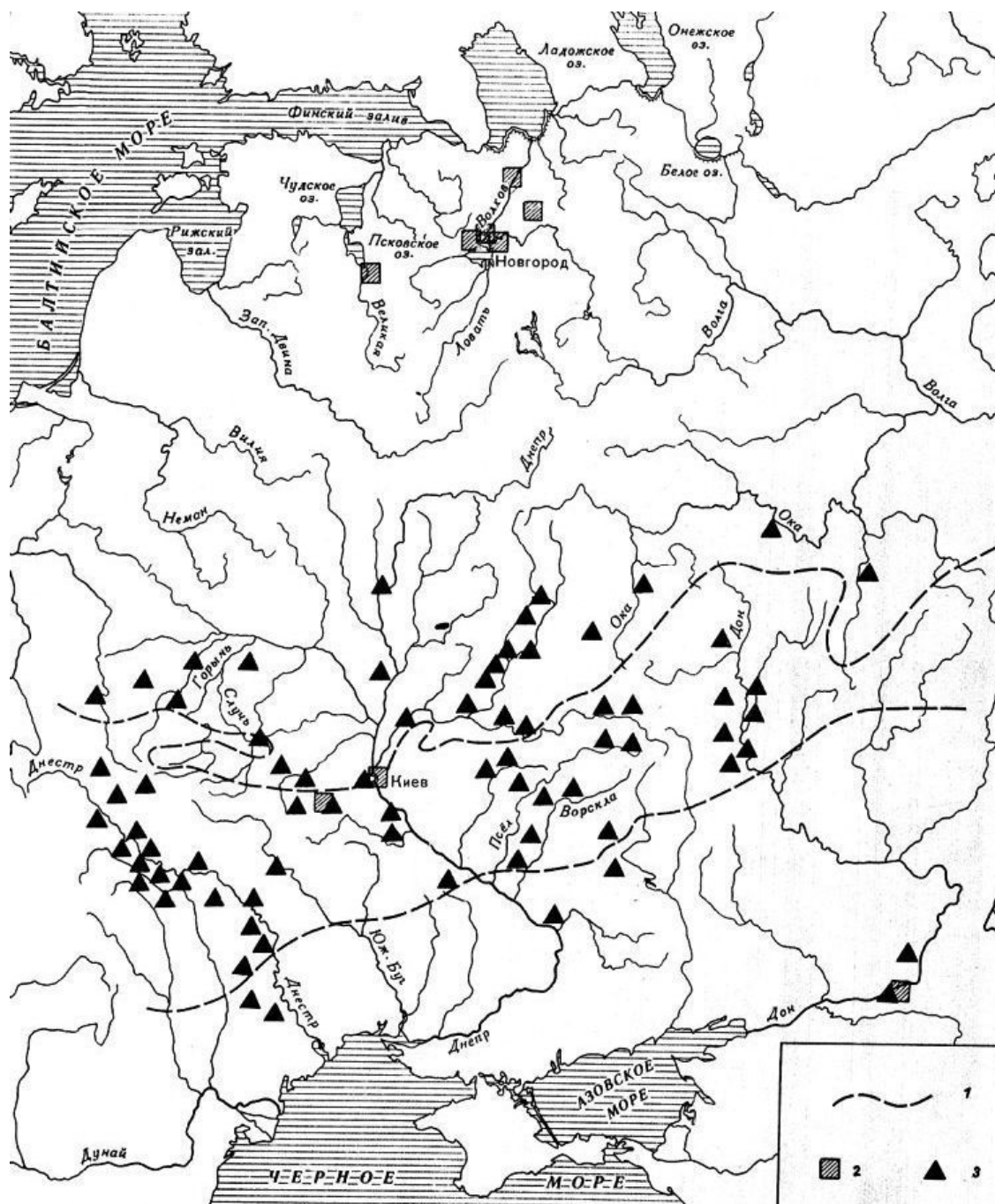
Зона северного типа хозяйства на Руси – вся Белоруссия, вся Российская Федерация от широты, по крайней мере, Брянска и Смоленска.

Вся современная Украина, кроме, может быть, крайнего запада, и все страны славян к югу от Дуная – Болгария, Македония, Сербия, Черногория – это зона распространения южного типа хозяйства.

Разумеется, четкую границу-линию провести никто не сможет, но к северу от этой невидимой линии «северные» черты хозяйства будут делаться все сильнее и сильнее.

В крестьянских погребениях севера, новгородских и псковских земель, довольно часто попадаются золотые украшения. Крестьяне тут свободны и богаты. В сельских погребениях Русского Севера много оружия. Тут жили независимые люди, умевшие за себя постоять.⁸

⁸ Как схема годится... Но оружие в погребениях есть далеко не везде и не во все эпохи. И что-то мне довольно часто золотые украшения в сельских погребениях не попадались. – *Прим. научного редактора.*

Распространение наземных и полужемляночных жилищ в IX – первой половине X в.

1 – граница лесостепи; 2 – наземные жилища; 3 – полужемлянки

Ведь личная свобода крестьян сохранилась до XVIII века, и исчезла уже после оккупации этих земель Российской империей. Пока Господин Великий Новгород жил – крестьянин на севере не знал крепостного рабства.

В сельских кладбищах Юго-Западной Руси – Украины золото практически не встречается. Видимо, на юге общественное богатство быстро перераспределяется так, как это необходимо феодалам. А чтобы низы знали свое место, в сельских погребениях отсутствует и оружие.

Северо-южные войны

В эпоху Древней Руси, в IX–XII веках, несколько раз бросали северяне на юг народные ополчения. Новгородцы собирались на вече, думали, принимали решение – помочь Владимиру! Поддержать Ярослава! И находились силы, оружие, средства, энергия...

Не просто пришли как-то из Новгорода варяги – все сложнее. Новгород несколько раз завоевывал Киев. Не будем даже поминать возможный захват Киева Кием, Щеком и Хоривом, после побега из новгородской тюрьмы. Будем считать – это просто легенда, придуманная новгородцами в поругание Киеву.

Начнем с Аскольда и Дира: эти двое «ближних людей» Рюрика в 866 году захватили Киев. То ли город был тогда без князей, без воинов, без охраны; то ли при одном появлении Аскольда и Дира Кий со Щеком кинулись бежать... Во всяком случае, никаких сведений об обороне города, о сопротивлении нет. Ни о сопротивлении профессиональных воинов, ни о сопротивлении народа.⁹

Летопись повествует о захвате Киева элегически просто: отпросились Аскольд и Дир в Константинополь «с родом своим» (видимо, наняться в армию Византии, не иначе). Ну, плывут они по Днепру и увидели на горе городок. Пристали и спрашивают: «Чей это городок»? Им же отвечают «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили град сей, да погибли, а мы сидим, род их, платим дань хазарам». Аскольд да Дир остались в граде сем, и многие варяги с ними вместе» [30. С. 10].

В общем, валялся Киев на берегу Днепра... Аскольд и Дир его нашли и подобрали. Анекдот? Но так в летописи.

Второй раз захватил Киев Олег в 882 году. Летопись рассказывает, как Олег спрятал воинов и маленького князя Игоря в ладьях, а сам позвал Аскольда и Дира: мол, приплыли мирные купцы его племени, выйдите к дорогим сородичам.

Наивные Аскольд и Дир вышли на берег, и тут выскочили из ладей воины. Олег же сказал: «Вы не князья и не из княжеского рода». Он вынес и показал им Игоря: «А он – княжеского рода». После чего Аскольда и Дира убили и похоронили на берегу. До сих пор в Киеве есть Аскольдова могила, и уже хорошо, что не сгинули Аскольд и Дир безвестно, как Кий, Щек и Хорив, – а то с киевскими князьями это случается.

Но ведь и в этой истории город Киев никак себя не проявляет. Где вече? Где богатые и знатные купцы? Где «нарочитая чадь»? Где бояре, вершащие суд вместе с князем? Их нет. Есть только какие-то невразумительные типы, которые толком даже не названы, – они только и нужны летописцу, чтобы ответить на вопросы Аскольда и Дира – что, мол, ничей он, Киев, можно брать.

Напомню, что в то же самое время, в 862 году, новгородцы поднимают восстание, прогоняют варягов, а потом устраивают такую междоусобицу, что приходится обратно звать варягов, – пусть наводят порядок. Буйные нравы Новгорода, наверное, достойны осуждения... Но их трудно не сравнивать с поразительной пассивностью Киева.

Третий раз новгородцы взяли Киев при Владимире, в 980 году. Еще при своей жизни Святослав разделил земли между сыновьями. Старший, Ярополк, взял себе Киев, второму, Олегу, отец отдал землю древлян, а Владимира отправили в Новгород.

После смерти Святослава, как это обычно бывает, началась война за отцовское наследство. Олег вскоре был убит, а Владимир с верным дядькой Добрыней бежал «за море» – то

⁹ Ох, упрощаешь! Вопрос о том, были ли Кий с братиею и Аскольд современниками не так уж прост! – *Прим. научного редактора.*

есть явно в Скандинавию. Через три года он возвращается с варяжскими дружинами. Варяги и новгородцы входят в Киев в 980 году – что характерно, опять без боя.

Четвертый и пятый раз новгородцы входят в Киев при Ярославе...

Став новгородским князем, в 1014 году Ярослав отказался давать отцу дань – две тысячи гривен. Понятно, это не было его личным решением. Не просто скверный мальчишка не захотел слушаться папы, – Новгород не желал давать свои денежки в Киев.¹⁰

Владимир страшно разгневался и готов был идти войной на непокорный Новгород. Русь оказалась на краю Киево-Новгородской войны, но тут в 1015 году Владимир умер (от злости? летопись молчит о причинах).

Все, что произошло после смерти Святослава, кажется детским лепетом в сравнении с новой династической войной. Киевский престол занял Святополк. Дружина хотела бы видеть князем другого человека – сына Владимира от другой матери, Бориса. Борис отказался – мол, как же он может идти против старшего брата? После смерти отца старший брат остальным – как отец.

Добрый папа-Святополк убил Бориса, вслед за ним его родного брата, сына той же матери – Глеба. Бориса и Глеба православная церковь канонизировала как великомучеников, а Святополк, судя по всему, затеял перерезать всех братьев. Вполне может статься, это ему бы и удалось... Если бы не Ярослав и если бы не Новгород.¹¹ На этот раз новгородцы попросили за свою помощь плату, но не золото, не балтийский янтарь, не драгоценности из Византии... Платой городу стала СВОБОДА.

Ярослав дал жалованные грамоты вольности новгородской. Согласно этим грамотам, князь – не господин Новгорода, а его служилый человек. Новгород заключает с князем договор-ряд, в котором оговариваются условия службы князя и обязанности города. Если князь нарушает договор, ему вполне можно указать дорогу вон из Новгорода.

Несколько веков князья, которых звал Господин Великий Новгород, клялись не нарушать данных Ярославом вольностей и приносили присягу Новгороду, положив руку на эти грамоты.

Но не следует думать, что Ярослав прогадал или поспешил дать слишком много. Под городом Любечем ополчение из новгородцев и варягов наголову разбило Святополка, и Ярослав вошел в Киев первый раз. Это был четвертый случай с 866 года, когда новгородцы входят в Киев, как в пустой хлев, из которого сбежали пастухи.

Святополк бежал в Польшу, к своему тестю, королю Болеславу. Болеслав помог, послал войско. Поляки вошли в Киев (Киев опять вел себя тихо и скромно, как послушная девочка), посадили на престол Святополка (в 1017 году).

То-о-лько поляки ушли домой, – а тут вернулся Ярослав с новгородцами, выгнал вон Святополка, сам уселся на киевский престол. В 1019 году он окончательно разгромил и убил Святополка, но интересно даже не это... Ярослав опять входит в город, который и не думает сопротивляться.

В 1018 году Киев пятый раз насилуют, а он явно не в силах оказать сопротивление. Да и не хочет. Юг – он и есть юг.

В Киеве, на богатом юге, действует княжеская дружина – она предлагает престол угодному ей Борису, она поддерживает князя, она воюет. Новгород выставляет ополчение – и качество этого ополчения видно по делам его.

¹⁰ У меня есть основания говорить о том, что это было решение именно Ярослава, и объяснялось оно несогласием с отцом, который официально объявил престолонаследником Святополка Ярополчица. Это в печати пока не доказано, но надо иметь в виду и такое решение. – *Прим. научного редактора.*

¹¹ Ну а как насчет существующей в литературе версии, согласно которой не Святополк, а Ярослав является убийцей братьев? Я, кстати говоря, сторонник именно этой версии. Ну, тут разговор особый, однако у тебя опять ярко выраженное упрощение. – *Прим. научного редактора.*

Новгород активен, энергичен. Новгород волен и хочет еще больше воли. За свою службу город хочет не богатства – свободы. Его поведение доказывает, какая это сила – свободный труд, свободный выбор войны свободных людей.

Новгород восставал в 862 году, выгоняя варягов. Восстал еще раз против Рюрика, и тому не так легко было подавить восстание.

В Киеве восстания тоже были, но какие? В 1113 году, после смерти князя Святополка Изяславича, киевляне восстали, стали громить дома богачей и ростовщиков. Но стоило Владимиру Мономаху просто проехать по улицам города под знаменем и в окружении дружины – народ тут же присмирел и разошелся. Ведь никто в Киеве не требовал ни смены князя, ни смены политического строя, ни ухода варягов или кого-то еще. Тут совсем другая психология.

Вследствие этой психологии Киев богат, но пассивен. Киев легко становится жертвой любого сильного воина, а своей политической воли у него нет. Добиваться любви, лояльности киевлян? Кому нужна лояльность людей, которые если даже восстают, – чтобы пограбить? Киевлян надо облагать налогами и время от времени пугать. Например, новгородским ополчением.

А вот любовь новгородцев – это выгоднейшее дельце. Ярослав был ничем не лучше Святополка. Не успел он прийти к власти, как продолжил истребление братьев. Единственный сын Владимира, который остался в живых после его «чисток», – это Судислав Псковский. Но и того Ярослав законопатил в тюрьму на двадцать четыре года. Несчастного Судислава освободили только племянники... но освободили для того, чтобы тут же постричь в монахи.

Но Ярослава поддерживал Новгород – и именно он резал и сажал в тюрьмы дорогих родственников.

Мало того, что Киев пять раз захватывали новгородцы.

Не успел укрепнуть русский северо-восток, как тут же начал загибать салазки Киеву. В 1149 году суздальский князь Юрий Долгорукий разбил киевского князя Изяслава Мстиславича и занял Киев. Он вынужден был уйти, но вот хотелось ему, и в 1155 году он снова занял киевский престол.

И поляков позволю себе тоже напомнить, тем паче – они брали Киев не раз. В 1069 году князь Изяслав вернет себе киевский престол с помощью польского короля Болеслава II.

В то же время киевское ополчение не только не брало Новгорода или Кракова – оно никогда, ни разу за всю историю Древней Руси, не подходило близко к этим городам.

Это следует иметь в виду, говоря о любых политических событиях. Под Любечем, на крутом берегу Днепра, на узких улочках киевского Подола сталкиваются люди, разделенные не только политически. Это сталкиваются люди, сформированные непримиримо разными системами ведения хозяйства. Люди с разными бытовыми привычками, разным пониманием самых общих вещей. Люди с разной картиной мира, разными системами ценностей. Люди с совершенно разным мировоззрением и миропониманием.

Глава 4

Многоплеменная Русь

*Папа – турок, мама – грек.
А я – русский человек.
Частушка начала XX века*

До Руси

Ни одна территория, на которую приходили индоевропейцы, не была совершенно пустой. Греция, Италия, Галлия – везде жили люди и до греков, италиков и галлов.

Когда предки германцев, балтов и славян носились черным смерчем по Центральной Европе, там тоже жили разные народы. Германия до немцев и Польша до славян вовсе не были пустым пространством.

Судя по всему, в III–II, даже в I тысячелетиях до Р. Х. на территории Центральной и Восточной Европы говорили на множестве разных языков. Но все это были неиндоевропейские языки.

Множество мелких народов, в основном охотников и рыболовов, – они были разобщены, и каждый из них мог воевать только за себя. Как могли они сплотиться против нашествия, если друг для друга были не менее чужими?

Эти народы были немногочисленны и жили разреженно – иначе не прокормиться охотой и рыбной ловлей. Там, где кормились десятки охотников, могли поселиться тысячи пахарей и скотоводов. Отсюда и численный перевес: против нескольких десятков лесных обитателей индоевропейцы могли бросить сотни, тысячи воинов – причем лучше вооруженных, подготовленных, снаряженных.

Народы, жившие в Европе до индоевропейцев, исчезли так быстро и бесследно, что сейчас почти невозможно восстановить их языки, культуру, места обитания.

Чуть больше повезло только тем, кто жил на самом юге Европы, – там у доиндоевропейского населения была более высокая культура, пришельцы не смогли ее до конца уничтожить. На острове Сицилия еще во времена римлян жили какие-то сиканы и сикулы – мы не знаем даже, как они сами себя называли.

На крайнем западе Европы, на Пиренейском полуострове, сохранились племена иберов. Коренные земледельцы, иберы были многочисленны, смелы... А кроме того, они говорили на родственных языках и осознавали свое единство.

Иберы утратили свой язык и переняли латынь уже во время римского завоевания Пиренейского полуострова, в I веке до Р. Х. – I веке по Р. Х. Единственное иберийское племя васконов отказалось менять язык и дало начало маленькому, около миллиона человек, народу басков.

Неиндоевропейские народы сохранились на самом востоке и северо-востоке Европы.

Считается, что носители культур сверленных боевых топоров – последние, кто повторял древние завоевания индоевропейцев, вторглись в земли финноугорских племен. Это не совсем так... Потому что и финны далеко не первые обитатели Восточной Европы. Самые распространенные теории говорят о том, что как раз в III тысячелетии до Р. Х. они двинулись на запад с Предуралья.

Во II тысячелетии до Р. Х. сшиблись два встречных потока – индоевропейцев и финнов. Тогда на большей части Восточной Европы финские племена уцелели, а вот все дофинское население исчезло, растворившись без малейшего следа.

Ползучая славянская экспансия

В конце I тысячелетия по Р. Х. на завоевание Восточной Европы двинулись славяне... И вот этого нашествия финские народы не пережили.

В наше время крупные финские народы сохранились только в Прибалтике (финны, эстонцы) – там, куда не добрались славяне.¹² За Волгой, куда славяне дошли много позже, сохранились небольшие народы, говорящие на финноугорских языках, – эрзя, черемисы, марийцы.

К северу от Балкан поселился маленький народ угры – венгры. Это потомки тех угров, которые освоили скотоводство и двинулись на запад по Великой Степи. Но все это – только остатки когда-то очень многочисленных народов, заселявших колоссальную территорию.

Тысячу лет назад финноугры обитали там, где мы их меньше всего ожидали бы встретить: в верховьях Днепра, в бассейнах Ловати, Великой, Волхова и Ладоги. Финские племена: водь, весь, чудь, чудь заволоцкая, ижора, корела – заселяли весь «русский» север и северо-запад. Территория Волго-Окского междуречья, северо-восточной Руси – это земля финских племен мурома, мешера и мера.

Все это – многочисленные племенные союзы, ничем не меньше и не хуже кривичей или северян. А земли финноугров Волго-Окского междуречья плавно переходят во владения мордвы и марийцев, финноугорский мир достигает Урала, захлестывает и Западную Сибирь...

Племена балтов – латгалы, аукшайты, земгалы – тоже обитали гораздо южнее, чем это привычно для нас – вплоть до Смоленска.

Славяне не могли заселять свою нынешнюю территорию, не вторгаясь в земли финских и балтских племен. Тем удивительнее – у нас почти нет примеров войн, вообще вооруженного сопротивления, которое оказывали бы коренные жители славянам. Чаще всего это объясняют так: «Плотность населения в лесных чащобах была очень мала. Пришельцам не приходилось захватывать освоенные туземцами места»; и в результате происходило не вторжение, а «медленное просачивание славянских поселенцев, занимавших пространства между туземными поселениями» [2. С. 12].

Скорее всего, так оно и было: с пришельцами не было необходимости воевать, земли хватало. К тому же пришельцы вовсе не были расистами; племена постепенно смешивались, при этом шла ассимиляция не только туземцев славянами, но и ассимиляция славян балтами и финноуграми. Археологи хорошо прослеживают это и по антропологическому облику, и по изменениям в материальной культуре.¹³

Но реально – что произошло? Финноугры и балты исчезли везде, где только утвердились славяне. Их не истребили, никаких ужасов – они исчезли сами и добровольно. А финноугорский и балтский миры сократились, съежились, как шагреновая кожа, их территории уменьшились в несколько раз.

Тихая ползучая экспансия оказалась страшнее, чем грохот буйного нашествия. Впрочем, и организуй финноугры самое бешеное сопротивление, результат был бы примерно такой же.

Расселяясь как можно шире, новый народ занимает, завоевывает, захватывает земли с разноразличным, разноразличным населением. Это население совсем не обязательно так уж радо пришельцам, и очень часто приходится покорять их силой оружия. Другое дело, что

¹² В середине I тысячелетия славяне – длинные курганы – до Причудья добрались. И – были полностью поглощены и ассимилированы аборигенами. Все как в известном анекдоте про бомбардировку деревни Большие Говнищи: фью-ю-ю-ю-ю-ю... чавк! – *Прим. научного редактора.* Ага! Первые слабые отряды – ясное дело ассимилировали! А потом ассимилировали как раз финноугров. – *Возражение автора.*

¹³ Артамонов прямо писал: пора покончить со слащавой идеализацией процесса мирной славянской ассимиляции финнов и балтов. Славяне ничем не отличались от варягов... – *Прим. научного редактора.*

при благоприятном стечении обстоятельств «завоеванные» постепенно перенимают культуру «завоевателей», их язык, образ жизни и даже самоназвание. «Завоеванные» сливаются с «завоевателями», перестают отделять себя от них, и возникает новый народ, состоящий из потомков и «завоевателей», и «завоеванных».

Прекрасный пример этому народ, называющий себя до сих пор римлянами: румыны. В 106 году по Р. Х. император Римской империи Траян совершил последние крупные завоевания в римской истории. Армия Траяна сокрушила племенное ополчение даков, взяла штурмом их столицу Сармизегетузу. Сопротивление даков было отчаянным, война затяжной и жестокой. Часть племени была истреблена или оттеснена на другие земли, на их территории стали возникать римские города.

Отслужившие свои двадцать пять лет римские ветераны получали землю, заводили хозяйство. Не все успевали завести семьи за годы службы, а у «успевших» подрастали сыновья. Римляне смешивались с даками, рождались новые поколения, и становилось все более неважно, кто кого завоевал, когда и почему. Возникал новый народ, говорящий на романском языке и называющий себя «ромеями», то есть римлянами. На местном диалекте – румынами.

...Точно так же и потомки славянских поселенцев и местных финноугорских племен говорили на славянском языке, называли себя «славянами» и «русскими», и все дружно считали своей родиной Средний Днепр, бассейн Великой или Волго-Окские ополья. Все они не очень помнили, от кого именно происходят, и готовы были воевать и умирать за эту Родину – в точности как румыны, а до них даки, защищавшие Сармизегетузу от римлян императора Траяна.

Степной мир

К югу от Киева начинается Великая степь. Все меньше деревьев, лесостепь редее, сменяясь открытыми пространствами. Здесь славянский мир столкнулся с миром народов Великой степи.

Ученые давно обратили внимание на иранские гидронимы – то есть на названия рек. Дон и Днепр, – явно иранские слова. Вероятно, славяне заимствовали их из языков сарматов – ираноязычного племени, жившего в южнорусских степях, по крайней мере, до V века. Если заимствовали – значит, встречались; значит, имели возможность узнать, как называется на их языке эта река.

В восточнославянских языках есть заимствования из иранских. Например, слово «собака» – скифского происхождения. По-польски собака и сегодня – «пёс». Судя по всему, это слово и является «исконно славянским» названием.

Некоторые ученые даже считали, что «скифы-пахари», которых упоминает Геродот в V веке до Р. Х., – это славяне. Вряд ли это так, но в I–II веках по Р. Х. славяне уже могли появиться в лесостепи, начать общаться с ираноязычными племенами.

А уже поднимались новые владыки Великой степи – тюркоязычные народы. На долгое время Хазарский каганат установил свое господство от Урала до Днепра. Часть славянских племен платила дань хазарам. С Хазарским каганатом жестоко воевали русские князья.

Но ведь и общение было: и торговля, и обмен информацией; скорее всего – и смешанные браки. Не любя иудейского племени, Лев Николаевич Гумилев полагал: это «иудеи построили... крепость Саркел» [31. С. 94], – специально в пику славянам, чтобы легче было их обижать. Трудно придумать нечто более нелепое; Саркел носил второе, русское имя – Белая Вежа, и население этого города процентов на восемьдесят состояло из русских. Сведения эти вовсе не засекречены, об этом писал и учитель Л. Н. Гумилева М. И. Артамонов [32. С. 27].

Не все хазарские города были так русифицированы, как Белая Вежа, но русские в VIII–X веках проникали во многие хазарские города – на Дон, даже на Северный Кавказ. В самом же

Киеве находился Жидовский квартал, и одни из ворот, ведущих в город, назывались Жидовские ворота. Тут следует напомнить, что хазары исповедовали иудаизм, отсюда и названия.

В 967 году Хазарский каганат пал под ударами Святослава... И оказалось – каганат сдерживал движение хищных орд в южнорусские степи. Не стало хазар, и в эти степи потоком хлынули печенеги. Печенеги начали с того, что «отблагодарили» Святослава, открывшего им путь на Южную Русь, в степи: в 968 году они осадили Киев. Войско Святослава стояло далеко, в Болгарии; Киев защищала лишь малая дружина да ополчение горожан.

Киевляне послали Святославу письмо такого содержания: «Ты, князь, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою покинул, и нас чуть было не взяли печенеги». После чего Святослав вернулся и... будем приличны, скажем так: он «загнул салазки», «выбил бубну», «показал Москву» печенегам, «опустил» их и «опомоил» ниже некуда.

А через три года после этого и через четыре года после того, как Святослав обрушил Хазарский каганат, допустил печенегов в южнорусские степи, именно от руки печенегов погиб князь Святослав – в 971 году. Византийский царь Цимисхий велел сообщить печенегам: мол, возвращается Святослав из Болгарии с малой дружиной, фактически – с личной охраной. Печенеги подстерегли князя и убили.

Ирония судьбы? Или какая-то высшая справедливость, Промысел? Понять бы...

Если верить легенде, печенежский князь Куря сделал из черепа Святослава оправленную в серебро чашу для пиров. По языческой вере князя Кури, от питья из этой чаши он сам мог приобрести качества знаменитого воина Святослава. О приключениях этой чаши – желтоватой кости черепа, оправленной в серебро, рассказывают разное. По одной из множества версий, и по сей день хранится эта чаша в одном южнорусском музее, в его колоссальных запасниках. Правда это или нет? Я не знаю...

Печенеги набегали на Русь множество раз; в летописях отмечены самые сокрушительные набеги, от которых страдал не один город, не одно княжество: в 992, 996, 997 годах. Раз за разом.

В Европе печенегов (пацинаков) представляли себе огромного роста, невероятно сильными воинами. Такими предстают они в «Песне о Роланде», в других памятниках литературы.

На Руси хорошо знали печенегов и никогда бы не представили их такими уж неимоверно грозными: русские часто их били, а за набег устраивали ответные набеги. В 1036 году Ярослав Мудрый до конца разбил печенегов, их племенной союз распался.

Сразу же выяснилось: печенеги (как до них хазары) были заслоном для других степняков – для половцев. В 1068 году половцы одолели разгромленных печенегов и хлынули из-за Волги, как из прохудившегося мешка. Они поступили с печенегами так же просто, как печенеги поступали со своими предшественниками: вырезали их до последнего человека и овладели их землями и скотом.

Половцы тоже много раз набегали на Русь; это были не «правильные» войны для завоевания земель, а грабительские походы. «Створи бо ся плач велик у земли нашей, и опустели города наши, быхом бегаючи перед враги наши» – такая и подобные записи появляются в летописях за 1089, 1091, 1097, 1109, 1112 годы.

Боняк и Тугоркан даже вошли в русский фольклор. На Западной Украине помнили «Буняку Шелудивого», а Тугарин, или Тугарин Змеевич... Тут комментарии излишни.

Не надо считать русских невинными жертвами грабежа, близкими к святости защитниками своей земли... Все сложнее. Не раз и не два русские князья устраивали ответные набеги: такие же жестокие, такие же грабительские, с угоном скота, массовым изнасилованием, грабежом всего, что можно унести, и с расточением всего, что увезти невозможно.

В 1103 и 1107 годах Владимир Мономах обрушивается на половцев. Русская рать врывается ранней весной на берега Азовского моря – на зимние пастбища. Уйти с этих пастбищ половцы не могут – в других местах трава еще не выросла. Принимать бой им было почти

невозможно – лошади отощали, ослабли за зиму. В битве погибли больше двадцати ханов, а русские защитники родной земли «взяша бо тогда скоты и овце, и коне, и вельблуды, и вежи с добытком и челядью».

В 1111 и 1116 годах русские берут половецкие города на Дону, а покоренные половцами народы – ясы-аланы (напоминаю, потомки сарматов) и болгары встречают русских вином и рыбой – прямой аналог русского «хлеба-соли» (что потом сделали с «предателями» вернувшиеся половцы – вот об этом в летописях нет ни слова).

Какие записи делались в половецких летописях и под какими именами вошли русские князья (особенно Владимир Мономах) в половецкий фольклор, мы уже никогда не узнаем – разве что изобретут пресловутую машину времени.

Набеги продолжались и потом – и русскими, и половцами; никто не мог бы носить белые одежды невинных жертв несправедливости.

Знаменитое «Слово о полку Игореве» посвящено как раз подобному походу 1185 года. В тот раз половцам удалось истребить русское войско, пленить князя Игоря, а потом ответить на разграбление своей земли удачным набегом на Русь.

К тому же русские князья постоянно объединялись с половцами для набегов на другие княжества и для борьбы друг с другом. Примеров так много, что просто не знаешь, какой выбрать.

Уже византийский император Алексей Комнин в XI веке пригласил половцев для помощи в войне с печенегами. Лучше бы он этого не делал! Половцы быстро «забыли», на чьей стороне должны находиться, и так разграбили византийские города, что уже и печенегов впопору было вспоминать с умилением.

На Руси половцы выступали союзниками в войне с поляками в 1092 году.

Князь Василько из Галицкой земли много раз набегал на Польшу вместе с половцами, пока не сложил голову.

Князь Олег Святославич «добыл» себе черниговское княжение с помощью половцев. Когда-то Ярослав Мудрый завещал Чернигов его отцу... Теперь в Чернигове сидел Владимир Мономах, и в 1094 году Олег Святославович подступил под стены города с половецкой ратью. Мономах уступил, перешел в Переяславль, а Чернигов достался Олегу Святославичу.

Неоднократно на своих съездах князья говорили, что их междоусобицы на руку только половцам... Но раз за разом использовали половцев в своих сварах.

Войны войнами – но ведь было же и хорошее. Заимствований было очень много, и не только от славян к тюркам, но и наоборот. Сейчас почти забыто, что именно заимствования от тюрков позволили славянам совершить настоящую революцию в земледелии.

Дело в том, что во всей Европе всегда пахали на волах или быках. Ярмо быка было очень удобным – вол наваливался на него грудью и тянул пахотное орудие. На лошадях тоже пахали – но лошадь запрягали совершенно так же, как рабочего быка, а ведь устроены эти животные по-разному: лошадь душит удобное для быка ярмо, и она работает вполсилы.

На юге, где теплее, а земля плодороднее, волов хватает. В Северной Европе без рабочей лошади пашенное земледелие недостаточно эффективно: вол медлителен, а земли поднять нужно много. До X–XI веков негодная упряжь очень тормозила процесс распашки.

XI–XII века вошли в историю как время Великой Распашки – впервые после Римского времени начала увеличиваться площадь распаханых земель, человек начал наступать на лес. В Северной Галлии, в Германии, в Британии леса стремительно исчезали, сменяясь окультуренными землями. Историки находят множество причин, в силу которых началась Великая Распашка, и едины в главном – без Великой Распашки не было бы и современной европейской цивилизации.

Но мало кто отмечает – Великая Распашка стала возможной потому, что рабочую лошадь стали запрягать иначе. Тюркскую упряжь на рабочую лошадь стали первыми использовать

славяне. Уже от них новый тип упряжи получила и Западная Европа. В результате Европа не только восстановила и стремительно превзошла уровень земледелия Римского времени – появились новые центры земледельческой культуры. Север Европы, глухая провинция Рима, стал самостоятельным центром развития цивилизации.

Не сомневаюсь, что для начала Великой Распашки существовало множество самых разнообразных причин, корнящихся не в каких-то технических заимствованиях, но во внутреннем развитии европейских обществ. Не сомневаюсь. Очень может статься, что и тюркскую упряжь в Западной Европе при необходимости выдумали бы сами западноевропейцы.

Но полагаю, имеет смысл отметить – Великая Распашка состоялась именно вследствие заимствования тюркской упряжи от славян.

Половецкая цивилизация

Вообще половцы чем дальше, тем больше выступали в роли южного, и притом довольно цивилизованного соседа. В истории было много примеров того, как первобытное племя быстро цивилизовалось, перенимало то, что могут дать более культурные народы. Среди германских племен это готы. Среди тюрков это половцы.

Наивно представлять себе южнорусские степи как сплошное море ковыля, без торных дорог и городов. На реках шумел не только камыш – но и большие торговые города хазар, болгар и сарматов. В Крыму были города греческие, готские и еврейские. Половцы старались вытеснить конкурентов из степей, чтобы самим пасти неисчислимые стада «скоты и овце, и коне, и вельблуды», но города громили не всегда. Они сами нуждались в торговых городах, нуждались в умелых ремесленниках и хороших товарах.

А совсем недалеко была Русь, – с ее городами, богатствами, каменными церквами и обаянием культуры. Был еще и Великий Булгар – государство, созданное тюркским племенем болгар в землях финноугров, на Волге и Каме.¹⁴

¹⁴ Позже племя болгар завоевало населенные славянами земли к югу от Дуная. Постепенно кочевники-тюрки растворились в море более культурных славян, оставив после себя только название страны – Болгария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.